

гия была бы весьма полезной при исследовании Московской агломерации и разработке городской политики по развитию Новой Москвы.

Подводя итог, отметим, что города усилили конкуренцию для привлечения и удержания специфической хозяйственной деятельности, инвесторов и рабочей силы. Это увеличило потребность в государственной политике, с помощью которой можно было бы оценить текущую ситуацию, а также определить количественные результаты, достигнутые в результате осуществления политических усилий. Общая методология определения границ городов, представленная в совместном исследовании ученых из ОЭСР и Европейской Комиссии, может стать полезным инструментом для увеличения сопоставимости данных о городах, как между странами, так и внутри стран.

Литература

1. Fernández Vázquez E., Rubiera Morollón F. Defining the spatial scale in modern regional analysis: New challenges from data at local level. Berlin: Springer, 2012. P. 71–89.
2. International guidelines on urban and territorial planning. Nairobi: UN-Habitat, 2015.
3. Brezzi M., Jern M., Thygesen L. OECD eXplorer: Making Regional Statistics Come Alive through a Geo-Visual Web-Tool // Statistika, Economy and Statistics Journal 2. 2011. P. 92–106.
4. Brezzi M., Veneri P. Assessing Polycentric Urban Systems in the OECD: Country, Regional and Metropolitan Perspectives. // OECD Regional Development Working Papers, No. 2014/01. OECD Publishing, Paris, 2014. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5jz5mpdkmvr-en>
5. OECD, Redefining "Urban": A New Way to Measure Metropolitan Areas // OECD Publishing, Paris, 2012. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264174108-en>
6. OECD Metropolitan eXplorer. URL: <http://measuringurban.oecd.org/>

Functional urban areas as an instrument of national urban policy

*Ivan Viktorovich Novikov, postgraduate student, department of municipal economy and service sector economics, Moscow Witte University.
annotation*

The process of urbanization needs to be regulated by means of the formation of national urban policy, but the lack of a common definition for the city prevents its development. This paper analyzes the new way for determining the boundaries of cities, developed in OECD countries. It allows researchers to classify and compare cities through the collection of urban data, based on a common methodology.

Keywords: functional urban areas, national urban policy, OECD, methodology, city boundaries.

УДК 330.32:332.1

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ РОССИИ В АРКТИКЕ

*Сергей Сергеевич Жильцов, д-р полит. наук, проф. кафедры политических наук
факультета гуманитарных и социальных наук,
E-mail: sergej-z71@yandex.ru,
Российский университет дружбы народов,
<http://www.rudn.ru>,*

*Игорь Сергеевич Зонн, д-р геогр. наук, директор,
E-mail: igorzonn@yandex.ru,*

*Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству
и экологии «Союзводпроект»,
<http://www.rusprofile.ru>*

В статье рассмотрены основные этапы современной российской политики в Арктике, проанализированы проблемы, с которыми встречается Россия при реализации своих интересов в этом регионе мира. Внимание уделено подходам России к решению таких ключевых проблем региона, как: международно-правовой режим, состояние и перспективы добычи углеводородов на арктических месторождениях.

Ключевые слова: Арктика, правовой статус, углеводородные ресурсы, технологии добычи.

С.С. Жильцов

Об Арктике вспомнили после 1991 года, когда распался СССР. До этого времени, во второй половине 1980-х годов Арктика фактически была забыта: ликвидированы пограничные заставы и радиолокационные станции, система гидрометеонаблюдения, брошены аэродромы и военные городки [15].

Стоит отметить, что основы российской политики в Арктике были заложены во времена Советского Союза, в период улучшения отношений между СССР и США. Это позволило советской стороне в 1987 году выдвинуть «мурманские инициативы», в которых были сформулированы ключевые проблемы Арктики и определены направления для переговоров с государствами, заинтересованными в решении проблем данного региона. Речь шла о создании безъядерной зоны на севере Европы; ограничении военно-морской активности в морях, омывающих север Европы; мирном сотрудничестве в разведке и разработке ресурсов Севера и Арктики; международном сотрудничестве в арктических исследованиях; сотрудничестве северных государств по проблеме экологической защиты Арктики; открытию Северного морского пути для международного судоходства [11, с. 115–124].

Новый этап арктической политики начался в 1997 году, когда Россия ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года. Конвенция подтвердила абсолютный суверенитет прибрежного государства на 12-мильную зону территориальных вод и установила, что государство имеет единоличное суверенное право распоряжаться континентальным шельфом на всем его протяжении. За пределами территориальных вод (12 морских миль) допускается установление исключительной экономической зоны шириной до 200 морских миль. В ее пределах прибрежное государство осуществляет свои права и юрисдикцию в отношении рыболовства и использования природных ресурсов. При этом морская акватория в пределах 200-мильной зоны оставалась открытой для мореплавания и рыболовства.

Конвенция определила, что исключительная экономическая зона (200 морских миль) не входит в состав государственной территории. В своей экономической зоне государство имеет преимущественное право на добычу полезных ископаемых. Остальные недра находятся в общем пользовании. За пределами экономических и юридических зон прибрежных государств, утвержден международный район морского дна, ресурсы которого объявлены «общим наследием человечества».

В документе было определено, что исключительная экономическая зона может быть расширена еще на 150 морских миль, если страна сможет доказать, что арктический шельф является продолжением ее территории. В этом случае граница континентального шельфа должна устанавливаться на основе решения Комиссии ООН по границам континентального шельфа. В итоге Конвенция 1982 года ограничила территориальные претензии арктических государств 350 морскими милями, но лишь в том случае, если континентальный шельф простирается за 200-мильную зону. Таким образом, Конвенция 1982 года, установив ширину территориальных вод и исключительную эко-

И. С. Зонн

номическую зону, зафиксировала пределы территориальных притязаний арктических государств.

Для расширения границы континентального шельфа в Комиссию ООН по границам континентального шельфа необходимо подать заявку, в которой должны быть обоснованы претензии государства на расширение границ шельфа. При этом речь идет о границах именно континентального шельфа, а не исключительной экономической зоны. То есть государство может рассчитывать на получение права регулировать добычу природных ресурсов, но не может ограничивать рыболовный промысел.

После ратификации Конвенции ООН по морскому праву Россия активизировала арктическое направление внешней политики, которая стала проводиться с учетом положений данного международного документа, на основе международно-правовых норм. Упор стал делаться на обоснование и юридическое закрепление внешней границы континентального шельфа России за пределами 200-мильной зоны. Россия возобновила исследования, приступив к дальнейшему изучению геологического строения дна арктических морей на предмет их принадлежности к матерiku и разведке полезных ископаемых. Повышенный интерес к арктическим ресурсам был связан с истощением традиционных сухопутных месторождений углеводородов, а также с публикациями новых данных относительно запасов углеводородных ресурсов. Так, в 1999 году Министерством природы РФ было заявлено, что потенциальные запасы всего российского арктического шельфа в границах 1926 года составляют 586 млрд баррелей (88 млрд т условного топлива), из которых 80 % – это газ [16, с. 49–50]. По более поздним оценкам, в российской части Арктики сосредоточено до 140 млрд т нефтяного эквивалента углеводородов, из которых 87 млрд т приходится на природный газ [20]. В одной из российских работ отмечалось, что самые большие запасы нефти расположены в российском «секторе» Арктики и составляют 74 млрд баррелей (примерно 15 млрд т) [2, с. 133].

Ратификация Конвенции спровоцировала дискуссии относительно позиции России по международно-правовому режиму Арктики. Как писал российский ученый П. Саваськов, анализ Конвенции ООН по морскому праву 1982 года и иных международно-правовых актов не позволяет сделать вывод о том, что правовой режим морских пространств Арктики должен решаться на основе секторального принципа [18, с. 33]. В тоже время, российский ученый-правовед А. Ковалев отмечал, что в основе российской позиции, выступающей за применение секторального принципа, стоит утверждение, что еще в 1920-е годы сложилась обычная норма международного права, предусматривающая распределение арктических территорий на секторы по принципу тяготения их к побережьям приполярных государств. Этой обычной нормой устанавливается, что сектор включающий дно Северного Ледовитого океана, воды и льды, находится под юрисдикцией приарктического государства и на острова и на земли, находящиеся в этом секторе, распространяется суверенитет этих государств. Целью секторального разделения Арктики стало вполне обоснованное стремление отдельных приарктических государств, в частности России, исключить из действия общих установлений международного морского права районы, географические и климатические особенности которых делают их особо значимыми для этих государств [11, с. 115–124].

Некоторые российские эксперты считали, что ратифицировав Конвенцию 1982 года, Россия отказалась от секторального принципа раздела арктических пространств, который не ставился под сомнение другими странами, и от единоличных претензий на «полярные владения СССР», декларированных в Постановлении Президиума ЦИК СССР 1926 года «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», тем самым, подтвердив «международно-правовой путь закрепления за собой своего арктического сектора» [2, с. 149].

Независимо от точек зрения о режиме Арктики, имелись объективные данные, которые определяли повышенный интерес к данному региону. Россия имеет крупнейшую и самую протяженную в мире площадь морского шельфа – 6,2 млн кв. км, 22 % общей

площади мирового шельфа. На Арктику приходится до 85 % российского шельфа [6, с. 157]. Считается, что высокоперспективным на нефть и газ является шельф арктических морей из-за продолжения известных на суше месторождений на севере [9, с. 10].

Основные дискуссии развернулись вокруг подводного хребта Ломоносова. Он был открыт советскими высокоширотными экспедициями в 1948 году и назван в честь великого российского ученого М.В. Ломоносова. Подводный хребет тянется примерно на 1800 км (при ширине от 60 до 200 км) от Новосибирских островов России через центральную часть Северного Ледовитого океана к острову Элсмир в Канадском арктическом архипелаге.

Для того, чтобы доказать, что хребет Ломоносова является продолжением материковой части, необходимо провести масштабные и дорогостоящие исследования. Только на основании полученных результатов можно будет делать окончательные выводы.

После ратификации Конвенции ООН по морскому праву дискуссии относительно геологических особенностей хребта Ломоносова приобрели особую актуальность, поскольку от этого зависит определение внешней границы континентального шельфа арктических государств.

На рубеже 1990–2000 годов возобновляется изучение арктического шельфа. В 2000 году Россия провела экспедицию «Арктика–2000», организованную совместно Министерством природы и Министерством обороны. По ее завершению было заявлено, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева являются продолжением континента и арктический континентальный шельф России прирастает на 1,2 млн кв. км больше, чем это считалось ранее.

Ожидания от скорой разработки арктических месторождений подвигли Россию попытаться решить для себя вопрос с внешней границей арктического шельфа. В декабре 2001 года Россия подала в Комиссию ООН по границам континентального шельфа заявку на расширение внешней границы своего арктического шельфа. Однако заявка была организационно не подготовлена и не подкреплена конкретными данными. Доказательства принадлежности шельфа, выходящего за 200-мильную зону, требовала огромных усилий, связанных с проведением масштабных научных исследований и осуществления глубоководного бурения. В итоге, Комиссия ООН посчитала доказательства предоставленные российской стороной относительно хребта Ломоносова для однозначного определения этой структуры в качестве подводного продолжения континентального шельфа недостаточно убедительными и отклонила ее. Если удастся доказать, что хребет является продолжением материковой части, то Россия сможет претендовать на почти половину Северного Ледовитого океана, включая Северный полюс.

Отклонение Комиссией ООН российской заявки не снизило внимания к Арктике и ее проблемам, что нашло свое отражение в «Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 года». Этот основополагающий документ был утвержден президентом РФ в июле 2001 года. В качестве одного из главных региональных направлений морской политики РФ выделяется Арктическое региональное направление. Его важность определяется наличием свободного выхода российского флота в Атлантику, богатствами исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации, решающей ролью Северного флота для обороны государства с морских и океанических направлений, а также возрастающим значением Северного морского пути (СМП) для устойчивого развития Российской Федерации. Помимо этого, речь шла об обеспечении национальных интересов Российской Федерации в отношении СМП, соблюдении интересов России при разграничении морских пространств и дна Северного Ледовитого океана с приарктическими государствами [14].

В ноябре 2002 года Совет по проблемам Крайнего Севера и Арктики при правительстве России принял решение о разработке Концепции устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации, которая была представлена в 2006 году. Концепция, рассчитанная до 2015 года, определила цели и механизмы российской полити-

ки в области устойчивого развития Арктики. В частности, речь шла о повышении роли СМП, интерес к которому устойчиво возрастал с конца 1990-х годов, в том числе, в связи с усилением интереса к арктическим месторождениям. В 1999 году СМП определили как самостоятельный Евроазиатский транспортный коридор, а в 2003 году Госсоветом РФ была одобрена Транспортная стратегия РФ до 2020 года. В ней, в частности, были определены основные направления развития СМП, а именно: транспортное обеспечение в освоении арктических нефтегазовых месторождений, в том числе шельфовых, и морского экспорта нефти и газа; развитие потенциальных крупномасштабных региональных и транзитных перевозок и северного завоза социально-значимых грузов; формирование самокупаемой, приносящей доходы, Арктической Морской транспортной системы.

Новый этап российской политики начался в мае–июне 2007 года, когда Россия организовала экспедицию «Арктика–2007». Ученые ВНИИ океанологии в течение более 40 дней исследовали хребет Ломоносова с борта ледокола «Россия». В результате был осуществлен сбор дополнительных материалов и обследована зона сочленения хребта с шельфом. Было сделано 600 км сейсмических профилей. Все усилия были направлены на то, чтобы подтвердить, что хребты Ломоносова и Менделеева являются продолжением полярных владений России и следовательно, она может претендовать на большую часть огромных запасов нефти и газа. Во время второго этапа экспедиции 2 августа 2007 года в районе Северного полюса на дно было совершено погружение двух глубоководных батискафных аппаратов «Мир» и взяты пробы донного грунта. Надо сказать, что образцы грунта, взятые на океаническом дне Северного полюса, мало что дали для получения прямых или даже косвенных доказательств обоснованности российских претензий на эту часть арктических пространств [21, с. 99]. В ходе погружения батискафов, Россия не получила доказательств того, что хребет Ломоносова является продолжением материковой части.

Во время погружения на дне Северного Ледовитого океана на глубине 4261 метр был установлен государственный флаг Российской Федерации. Факт установки российского флага стал сигналом к началу «арктической гонки», в которую включились многие страны мира. Только вот научный и технологический потенциал для участия в этой гонке у всех оказался разным. Россия оказалась слабо подготовленной к соперничеству в Арктике и прежде всего, того сегмента, который касался технологий глубоководного бурения на месторождениях нефти и газа на континентальном шельфе. Без этого невозможно достичь успехов в бурении на арктических месторождениях, которые находятся в сложных климатических условиях и требуют принципиально иных подходов и инфраструктуры. В итоге оказалось, что Россия, не располагает собственными технологическими установками, позволяющими проводить буровые работы с учетом промышленной и экологической безопасности на месторождениях углеводородного сырья арктического шельфа круглый год. В результате борьба за Арктику в конечном итоге стала соперничеством в сфере технологий и развития техники [10, с. 122–129].

После установления флага на дне Северного Ледовитого океана Россия стала готовиться к подаче новой заявки. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации, которая была принята в июле 2008 года, была поставлена задача «установить в соответствии с международным правом внешние границы своего континентального шельфа, расширяя тем самым возможности для разведки и разработки его минеральных ресурсов». В сентябре 2008 года на заседании Совета безопасности РФ был принят, а в 2009 году утвержден документ «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». Документ установил этапность работ по освоению Арктики, сформулировав задачу к 2015 году обеспечить международно-правовое оформление внешней границы Арктической зоны России и на этой основе добиться конкурентных преимуществ России по добыче и транспортировке энергетических ресурсов. Кроме того Россия должна была создать арктическую группировку

войск для защиты своих экономических и политических интересов в этом районе. Прежде всего, речь идет об усилении пограничных войск и создании береговой охраны российских арктических границ. Акцент был сделан на опережающее развитие пограничной инфраструктуры Арктической зоны страны. Первым шагом в этом направлении стало восстановление гарнизонов в местах, где они существовали во времена СССР. Ранее, было принято решение о создании Арктического погранотряда, ликвидированного в 2006 году. Хотя по зарубежным данным, еще в 2004 году в ФСБ РФ было создано специальное управление по Арктике для обеспечения системы береговой обороны [22, pp. 1–42]. Кроме того, Россия возобновила полеты стратегических бомбардировщиков в районе Северного полюса и впервые после 1991 года отправила в Арктику боевые корабли Северного флота и возобновилось плавание атомных подводных лодок под арктическими льдами.

В документе подчеркивалось, что приоритетами России в Арктике являются: активное освоение природных ресурсов региона, развитие транспортной и пограничной инфраструктуры. До 2020 года Арктика должна была превратиться в ведущую ресурсную базу страны. Для сохранения Арктики в качестве зоны мира, стабильности и сотрудничества, сбережения хрупких арктических экосистем и защиты интересов коренных народов Север требуется использование преимуществ Северного морского пути (СМП) – национальной транспортной артерии России [5, с. 12–27].

Схожие задачи поставлены в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной в 2009 году. В этом документе отмечается, что внимание «международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов, в том числе ... на шельфе Баренцева моря и в других районах Арктики». Кроме этого, «Стратегия ...» прямо указывает на необходимость обеспечения безопасности государственной границы в Арктической зоне Российской Федерации».

На рубеже 2009–2010 годов Россия стала менять арктическую стратегию, сделав разворот в сторону привлечения к освоению месторождений Арктики зарубежных компаний, располагающих необходимыми технологиями глубоководного бурения в суровых арктических условиях. Изменения в политике были вызваны отсутствием в России необходимых технологий, особой ледовой техники, финансовых средств на освоение новых шельфовых месторождений [20, с. 46].

На протяжении нескольких лет российские компании заключили соглашения с зарубежными нефтегазовыми компаниями для организации добычи на арктических месторождениях. В частности, были подписаны соглашения с французской компанией «Total», британской компанией «BP», американской компанией «ExxonMobil», итальянской компанией «Eni». Речь шла о разработке месторождений в Карском море и Баренцевом море. Общий объем совместных инвестиций на арктические проекты оценивался в сотни миллиардов долларов. Так, разработка месторождений в Баренцевом море оценивались в 70 млрд долл., а в Карском море в 200–300 млрд долл. [10, с. 79–121].

Ключевой идеей всех соглашений было достижение договоренностей о предоставлении зарубежными нефтегазовыми компаниями финансирования и технологий в обмен на доступ к арктическим месторождениям. Однако, нефтегазовые гиганты не торопились приступать к разработке арктических месторождений, ограничиваясь обсуждением различных аспектов будущей добычи. Несмотря на это, в России соглашения преподносились в качестве прорыва в нефтегазовом освоении российской части Арктики, как возможность получить доступ к современным технологиям разведки и добычи углеводородов в условиях Арктики с учетом практического опыта зарубежных компаний. Подобные ожидания представлялись неоправданными, поскольку в перспективе следовало ожидать сложный переговорный процесс, во время которого зарубежные нефтегазовые гиганты стремились конкретизировать условия своей деятельности на арктическом шельфе в рамках ранее подписанных рамочных документов.

Расширение сотрудничества с нефтегазовыми компаниями и планы по освоению арктического шельфа требовали защиты месторождений и инфраструктуры. Это поставило вопрос о расширении и наращивании военного присутствия России в Арктике. В июле 2011 года министерство обороны РФ заявило о планах создания двух военных бригад для защиты интересов России в Арктике. Первая такая бригада должна быть создана к 2015 году. В середине 2012 года В. Путин поручил правительству в целях защиты стратегических интересов обеспечить развитие Военно-морского флота и, прежде всего, в Арктической зоне и на Дальнем Востоке, а в июле того же года на северодвинском заводе «Севмаш» президентом был заложен стратегический атомный подводный крейсер «Князь Владимир» проекта «Борей-А». Ожидается, что на северодвинской верфи в будущем будет построена целая серия таких кораблей. Всего, до 2020 года ВМФ России планирует принять на вооружение восемь атомных подводных лодок данного проекта.

В 2012–2013 годах Россия сконцентрировала свое внимание на добыче углеводородных ресурсов в Арктике. Цели данной политики были сформулированы В. Путиным в апреле 2012 года на совещании по вопросу освоения континентального шельфа. «Трансферт передовых технологий, создание собственного технологического задела, вывод России на передовые рубежи в освоении Арктики и шельфа являются для нас одним из важнейших приоритетов» – заявил В. Путин.

Помимо форсированной разработки морских месторождений углеводородов Россия стремилась расширить исключительную экономическую зону в Арктике. Данные задачи нашли отражение в концепции внешней политики РФ, которая была утверждена президентом РФ В.В. Путиным в феврале 2013 года, а также в «Стратегии развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности до 2020 года»,

Реализация амбициозных проектов в Арктике требовала концентрации финансовых ресурсов и активное привлечение зарубежных компаний, располагающих необходимыми технологиями. Однако приступив к исследованию шельфа месторождений Арктики с помощью зарубежных компаний, Россия столкнулась с трудностями. Основными из них стали слишком высокие затраты, увеличение объемов добычи сланцевого газа и нефти в США, а также неспособность участников проектов принять окончательное инвестиционное решение. В итоге прорывов в освоении морских месторождений не наблюдалось, а общие договоренности не устраивали зарубежных партнеров. Это было очевидно по постоянному затягиванию сроков разработки Штокмановского месторождения и переносу времени начала добычи нефти на Приразломном месторождении в Печорском море.

Помимо потребности в новых технологиях и развитии промышленности и судостроения существовали объективные трудности в освоении Арктики, связанные, прежде всего, с необходимостью преодолевать огромные территории, осуществлять адаптацию к суровым климатическим условиям.

В наиболее обширном и богатом (более 80 % всех ресурсов) арктическом секторе не разрабатывается ни одно из открытых еще во времена СССР месторождений, а сроки ввода в эксплуатацию наиболее подготовленных из них все время переносятся. Так, в северных областях Баренцева и Карского морей, в морях Лаптевых, Восточно-Сибирском и Чукотском до сих пор не проведено глубокое бурение. Нефтегазовая база континентального шельфа РФ обладает относительно низкой инвестиционной привлекательностью, что объясняется высокими рисками вложения инвестиций в виду неблагоприятного географо-экономического размещения большинства месторождений и перспективных районов, что значительно повышает затраты на их изучение и освоение [1, с. 371].

В 2014 году отношения России с западными странами резко обострились, что снизило вероятность реализации совместных проектов по освоению арктических месторождений. Это привело к пересмотру Россией приоритетов внешней политики в Арктике. Основное внимание Россия стала уделять военно-политическим вопросам,

развитию и укреплению военной инфраструктуры, повышению обороноспособности, развитие арктических территорий. Была утверждена государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года», закреплён состав сухопутной территории Арктической зоны РФ. В апреле 2014 года В. Путин провёл расширенное заседание СБ РФ «О реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике в интересах национальной безопасности». Была подчеркнута необходимость комплексного обеспечения безопасности российской арктической зоны, в том числе, за счёт усиления морской составляющей пограничной группировки ФСБ России. **Для этого российский президент предложил создать единый Центр, ответственный за реализацию арктической политики.**

В августе того же года президент России ещё раз подтвердил, что Россия намерена развивать и укреплять свои позиции в Арктике, в том числе и военную инфраструктуру, а в декабре президент утвердил новую редакцию военной доктрины РФ, в которой говорится о защите национальных интересов в Арктике. Было создано стратегическое командование в Арктике на базе Северного флота.

Одной из ключевых задач российской политики было провозглашено обоснование и сбор доказательств того, что арктический шельф выходит за пределы 200-мильной зоны. В мае 2014 года министр природных ресурсов и экологии РФ Сергей Донской заявил, что в 2015 году заявку на расширение внешней границы своего арктического шельфа можно будет подать в Комиссию ООН.

Не ставя под сомнение важность данной работы, необходимо отметить, что ценность шельфа для России может рассматриваться исключительно в сочетании с другими факторами, прежде всего, наличия оборудования для глубоководного бурения в Арктике и технологий. Без этого шельф превращается в дорогой, но мало пригодный для использования ресурс.

Выход зарубежных компаний «ExxonMobil», «Total», «BP» и других из совместных проектов в Арктике на первых этапах не сказалось на планах России по освоению арктических месторождений. В декабре 2013 года Россия начала добычу нефти на Приразломном месторождении с ледостойкой стационарной платформы «Приразломная». На проектный уровень добычи в 6 млн т нефти планируется выйти после 2020 года. В сентябре 2014 года российские компании «Роснефть» и «Газпром» получили права на новые месторождения в Арктике. Тогда же «Роснефть» объявила об открытии крупного месторождения «Победа» с ресурсной базой около 338 млрд м³ газа и более 100 млн т нефти и успешном бурении на скважине «Университетская-1» в Карском море. Было заявлено об обнаружении значительных запасов нефти. Однако уже в начале 2015 года сроки бурения второй скважины были перенесены на середину 2016 года. В целом, шельфовые проекты компании «Роснефть» отходят на второй план. Так, уже никто уже не вспоминает о Штокмановском газовом месторождении, относительно которого в 2010–2013 годах было много ожиданий, а теперь нет никакой ясности о перспективах его освоения [4, с. 151–157]. А потому, добыча нефти на «Приразломной» и на «Победе» – это скромное начало, не имеющее продолжения.

При обсуждении проблем Арктики в России зачастую доминирует политическая составляющая. Игнорируется тот факт, что практическая реализация многих проектов, связанных с добычей углеводородного сырья, может быть достигнута лишь через несколько десятилетий, да и то, при условии технического и технологического прогресса. Огромные финансовые затраты, оцениваемые в десятки триллионов рублей, отсутствие четкого представления относительно будущей стоимости нефти и газа на мировом рынке и сложные климатические условия в Арктике не позволяют говорить о конкретных сроках освоения арктических месторождений.

В условиях нестабильных цен на энергетические ресурсы, а также длительного периода, необходимого для освоения труднодоступных месторождений подобная политика выглядит не совсем оправданной. Тем более, что геологоразведка на шельфе по-

прежнему находится на начальном этапе своего развития, поскольку современные технологии пока не позволяют проводить бурение на больших глубинах в сложных климатических условиях [13, с. 76–91].

Нынешняя ситуация в Арктике, связанная с освоением углеводородных ресурсов, напоминает и повторяет путь других регионов мира – Каспийского и Черноморского. Конечно Каспий и Черное море не идут ни в какое сравнение по площади акватории, глубинам, климату с любым из арктических морей [7]. Схожими являются проблемы с добычей нефти и газа на морских месторождениях: отсутствие у компаний необходимых технологий и техники, с помощью которой возможно получить доступ к нефти и газу, а также отсутствие инфраструктуры [8]. Данные проблемы, только в больших масштабах присутствуют в Арктике, ресурсы которой остаются привлекательным, но пока практически нереализуемым ресурсом.

В заключение следует отметить, что трудности, связанные с освоением арктических углеводородных ресурсов, не снижают для России политического значения Арктики. По этой причине российская политика большое внимание уделяет разработке и заключению международных соглашений с арктическими государствами, активизации сотрудничества в рамках Арктического совета, который рассматривается в качестве основного механизма политического сотрудничества стран региона. Речь идет о выстраивании сбалансированных политических взаимоотношений на основе уважения суверенных прав и юрисдикции арктических государств в Арктике.

Литература

1. *Алекперов В.Ю.* Нефть России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Креативная экономика, 2011.
2. *Александров О.Б.* Северный вектор внешней политики России: внешняя политика России на Балтике, в регионе Северной Европы и в Арктике. М.: Спутник, 2012.
3. *Амтилов Ю.П.* Разведка и освоение нефти и газа на арктическом шельфе: проблемы и перспективы // Арктические ведомости. 2014. № 4(12). С. 92–105.
4. *Афонцев С.А.* Новый подход к арктическим ресурсам // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия в 3-х т.; под редакцией И.С. Иванова. М.: Аспект Пресс, 2013. Т. 2.
5. *Васильев А.В.* Международное сотрудничество в Арктике и подходы России // Арктические ведомости. 2012. № 1.
6. *Васильев В.В., Жуков М.А., Истомин А.В., Селин В.С.* Оценка условий и перспектив использования природных ресурсов неограниченных морских пространств в Арктической зоне. Апатиты: Кольский научный центр, 2007.
7. *Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С.* Черноморский узел. М.: Международные отношения, 2007.
8. *Жильцов С.С., Зонн И.С.* Каспийская трубопроводная геополитика. М.: Восток-Запад, 2011.
9. *Зонн И.С., Жильцов С.С.* Нефтяная матрица Севера // Независимая газета. 2008. № 267.
10. *Зонн И.С., Жильцов С.С.* Арктическая гонка: захватить и разбурить. М.: Восточная книга, 2013.
11. *Ковалев А.А.* Международно-правовой режим Арктики и интересы России // Индекс безопасности. Осень–зима 2009. № 3–4. Т. 15.
12. *Коновалов А.М.* Транспортная инфраструктура российской Арктики: проблемы и пути их решения // Арктика зона мира и сотрудничества; отв. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
13. *Мастепанов А.М.* Нетрадиционные источники углеводородного сырья как альтернатива освоения ресурсов нефти и газа арктического шельфа // Арктические ведомости. 2014. № 4(12).
14. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Президентом РФ от 27 июля 2001 г.
15. *Мясников В.* Минобороны защитит арктический шельф // Независимая газета. 2014. 26 нояб.

16. «Новая» Арктика и интересы России / под общ. ред. В.А. Гусейнова. М.: Красная звезда, 2012.
17. Освоение морских нефтегазовых месторождений: состояние, проблемы и перспективы. М.: ООП «ВНИИГАЗ», 2008.
18. *Саваськов П.В.* Правовой режим Арктики // Арктика: зона мира и сотрудничества; отв. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
19. *Талицкий А.* Государственная политика современной России в Арктике: этапы, приоритеты и некоторые итоги // Арктика и Север. 2012. № 6.
20. *Телегина Е.А.* Ресурсы Арктического региона: перспективы и проблемы их освоения // Арктика: зона мира и сотрудничества / под ред. А.В. Загорского. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
21. *Чилингаров А.Н., Грузинов В.М., Сычев Ю.Ф.* Очерки по географии Арктики. М., 2009.
22. Cohen, Ariel. Russia in the Arctic: Challenger to US Energy and Geopolitics in the High North. In: Russia in the Arctic. SSI. 2011.

Evolution of Russian policy in the Arctic

Sergey Sergeevich Zhiltsov, D.-R. of political Science, Professor, Russian University of friendship of peoples

Igor Sergeevich Zonn, Dr. of geographical Sciences, academician of RANS, Professor, Director, INPC «Soyuzvodproekt»

The article describes the main stages of modern Russian policy in the Arctic, analyzed the problems encountered by the Federation in the implementation of its interests in this region of the world. Attention is paid to the approaches of Russia to the decision of key problems of the region, as international legal regime, the state and prospects of hydrocarbon deposits on the Arctic.

Keywords: Arctic, legal status, hydrocarbon resources, mining technology

УДК 331.5

ВЛИЯНИЕ МОБИЛЬНОСТИ НА ТРУДОВУЮ АДАПТАЦИЮ РАБОТНИКОВ

*Наталья Петровна Сuptело, канд. экон. наук, доц.,
доц. кафедры экономики городского хозяйства
и сферы обслуживания,
E-mail: suptelonp@mail.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте,
<http://www.muiiv.ru>*

Статья посвящена анализу влияния трудовой мобильности на адаптацию работников в современной российской экономике. В статье определено, что в условиях гибкого рынка труда значительную роль в конкурентоспособности работника играет его способность к перемещениям по различным сегментам рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда; трудовая мобильность; трудовая адаптация, занятость населения, структура занятости.

В основе формирования конкурентных преимуществ современной национальной экономики лежат преимущественно нематериальные факторы, главными из которых являются люди, их труд, знания, мотивация, их творческие способности, мораль и система ценностей. Высокий уровень развития этих качественных характеристик населения обеспечивает сегодня стабильные темпы экономического роста, устойчивость национальной экономики, позволяет поднять уровень благосостояния населения. Несомненно, что эффективность использования трудового потенциала главным образом определяется состоянием сферы труда и занятости, характером трудовых отношений. Поэтому, рассматривая различные стратегии развития национальной экономики, необ-